

ЭО, 2009 г., № 4

© Э. Х. Верчер Гарсия, Н. С. Макеева

КОКО И ЕГО ДРУЗЬЯ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В МИФОЛОГИИ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ

Ключевые слова: Испания, детская мифология, испанская мифология, мифологические персонажи, этимология, фольклор, народные верования, традиции, Коко

В каждом обществе дети создают собственный воображаемый мир, населенный множеством фантастических существ, которые вряд ли могут считаться мифологическими в полном смысле слова, поскольку "реальны" лишь для конкретной группы населения. В то же время в процентном соотношении количество детей не так уж мало, и эти верования составляют часть действительности для значительного числа индивидов.

Детские мифы наряду с песнями, играми, загадками раньше использовались в воспитательных целях: с помощью различных существ взрослые наказывали детей или, наоборот, одобряли те или иные их поступки. Несмотря на то что в Испании подобная практика в целом находится на грани исчезновения (за исключением, пожалуй, упоминания *Волхвов – Reyes Magos*), персонажи детской мифологии представляются нам интересными объектами для изучения. Обладая достаточно расплывчатыми, нечетко определенными характеристиками, они тем не менее широко известны в настоящее время и продолжают сохраняться в народном воображении. Наша статья является попыткой собрать и описать эти фольклорные данные, в прошлом игравшие важную роль в жизни испанцев.

В результате анализа письменных документов и опроса информантов выяснилось, что число обнаруженных фантастических созданий намного превосходит все ожидания. Так, Я. Розенфельд с соавторами выделяет более 250 персонажей, рожденных народной молвой (*Rosenfeld et al.* 2005).

В детской испанской мифологии есть несколько положительных героев – это, например, *Волхвы* (Мельхиор, Гаспар и Бальгазар; в ночь с 5 на 6 января, проехав на верблюдах по улицам испанских городов, они кладут около туфлей подарки для послушных детей, а непослушным приносят уголь) или симпатичный *Мышонок Перес* (он оставляет маленький подарок или несколько монет под подушкой ребенка, потерявшего молочный зуб). Однако большинство существ, населяющих уникальный мир самых маленьких, – это ужасные чудовища, мечтающие лишь о том, чтобы съесть ребенка или похитить его. Именно поэтому они получили наименования *espantaniños* (от *espantar* – "ужасать", *niños* – "дети"), *asustaniños* (*asustar* – "пугать", *niños* – "дети") или *tragachicos* (*tragar* – "глотать", *chicos* – "дети") (далее, соответственно, "детепугатели" и "детеглотатели"). Преобладание подобных персонажей, призванных наказывать, вполне закономерно. Можно провести параллель с системой языка в целом: в ней всегда больше единиц с отрицательной оценкой, ведь в любом обществе хорошее поведение считается "нормальным", а плохое выходит за рамки социальных требований и становится предметом многочисленных номинаций. К последней группе, малоизученной в настоящий момент, мы и обратимся в нашей статье.

Эрик Хавьер Верчер Гарсия – кандидат наук (PhD), преподаватель Гранадского университета (Испания); e-mail: envercher@hotmail.com

Наталья Сергеевна Макеева – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: nataly-makeeva@yandex.ru

Природа персонажей детской мифологии – нечеткость фиксации в сознании людей, редкие случаи появления (почти исключительно для того, чтобы внушить страх детям), выход слов-имен из активного употребления – представляет ряд трудностей для их подробного анализа. Письменные источники, содержащие характеристику этих существ, скупы и малочисленны, а опрос информантов, в свою очередь, далеко не всегда позволяет получить более точные дополнительные сведения.

Детальное рассмотрение каждого персонажа открывает необычайное разнообразие во всем, что касается его возникновения, распространения и этимологии его имени. Мы ограничимся описанием мифологических существ, общих для всей Испании (хотя многие из них встречаются и в других испаноговорящих странах). При этом в отдельных провинциях и поселениях Пиренейского п-ва есть немало местных фантастических созданий, которые могли бы стать предметом отдельного исследования.

"Детепугатели" обладают долгой историей. Так, древнегреческие мифы повествуют о Керрах (Κήρες), дочерях Ночи (Никс) и Мрака (Эреба), богинях смерти, олицетворявших Судьбу и вечно жаждавших крови. Гесиод называет их ужасными мрачными существами, которые, скрипя зубами, пьют кровь погибших воинов. В Древнем Риме верили в Мандукуса, театральную маску с огромным ртом и острыми зубами, пожиравшую все вокруг, в Ламию (полуженщину, полужмею, убийцу собственных детей; из зависти к матерям она съедала их младенцев; была наказана тем, что не могла закрыть глаза), в Эмпuzu (хранительницу Царства мертвых, поедавшую юношей). В средние века эти персонажи с модифицированными именами и атрибутами населили всю Испанию, где и сохранились до наших времен.

Несомненно, больше всего в Испании известен **Коко** (*El Coco*). Этимология этой лексемы до сих пор не выяснена. Ее связывали с латинским *coquus* (повар) или с единицей из языка науатль *kojko* (вред), однако, по мнению Дж. Короминаса и Х.А. Паскуаля, источник слова *coco* лежит в языке детей, где оно функционирует со значениями "круглый предмет", "миндалины", "голова". Во многих языках схожие по форме лексические единицы используются для номинации шарообразных предметов (греч. *Kókkos* – "зерно", "косточка"; итал. *cócco* или *cucco* – "яйцо"; фр. *coque* – "яичная скорлупа"; баск. *koko* – "насекомое черного цвета, круглое и блестящее"). От значений "круглый предмет" и более позднего "чудовище, пугающее детей" произошло название плодов кокосовой пальмы¹ (*Corominas, Pascual* 1980: 110).

О предполагаемых "подступках" или "жизни" Коко мы практически ничего не знаем. Распространена лишь общая мысль о том, что он совершает "ужасные вещи" (*Olive, Landa* 1898: 328), среди которых наиболее конкретная – "пожирание детей". Это отражается в высказываниях матерей, адресованных детям: "Que te comerá el coco" ("Вот Коко тебя съест"). Говорят также просто "Que viene el coco" ("Вот сейчас Коко придет") или "Que llamo al coco" ("Вот я сейчас позову Коко"). Кроме того, Коко может унести ребенка в далекие края, откуда тот уже никогда не вернется.

Первым описанием этого персонажа и его действий стала, по-видимому, "Книга известных изречений с комментариями" ("*Libro de los Proverbios Glosados*") (1570–1579) Себастьяна де Ороско, содержащая подробное толкование выражений *cata el coco* и *guarda el coco* ("Смотри, Коко придет"): «Этими словами вызывают страх или ужас у детей, особенно когда те собираются плакать или просить что-нибудь; чтобы заставить их замолчать или перестать просить, им говорят: "Смотри, Коко придет". А Коко – существо, вселяющее страх. Эти слова используются, чтобы напугать вора законом, который и есть Коко, или повздорившего с кем-нибудь его врагом и т. д. Обычно так именуют смелого и дерзкого человека. Дети, услышав его имя, перестают плакать – говорится о кастильском рыцаре по имени Мелендо Родригес Галлилато в "*Хронике короля Фернандо III Святого*", отвоевавшего Севилью и всю Андалусию. Этот рыцарь захватил у мавров башню в местечке Марагасамара, расположенном в четверти лиги от города и замка Морон. И оттуда он до трех раз в день подъезжал к воротам

Морона, не оставляя за городскими стенами ничего, чем бы мавры могли воспользоваться. И мавры преисполнились такого страха перед ним, что не осмеливались выходить за стены. И когда какой-нибудь ребенок начинал плакать, его пугали, повторяя: "Смотри, Мелендо придет", и он умолкал. Именно поэтому Морон и его крепость, будучи столь неприступными, сдались королю дону Фернандо, о чем повествует 32-я глава хроники. А о рыцаре можно было сказать: "Cata el Coco", или "Guarda el coco"» ("Смотри, Коко придет") (Horozco 1994: 266–267).

С. де Коваррубиас Ороско, составитель словаря "Сокровище кастильского или испанского языка" ("*Tesoro de la lengua castellana o española*"), предлагает нам и такие интересные данные: Коко представляет собой "фигуру, вызывающую ужас, особенно если она черного цвета или находится в темноте" (Covarrubia 1611: 326). Автор точно подмечает психологические основы его возникновения: темноту и черный цвет. По прошествии некоторого времени Коко конкретизировался в народной фантазии как существо с пустой тыквой вместо головы (Gran Diccionario Enciclopédico 1996: 151), что подтверждает этимологическую гипотезу Дж. Короминаса и Х.А. Паскуаля. Из других источников мы узнаем, что у Коко волосатые ноги (Rosenfeld et al. 2005) и голова в виде тыквы (Corominas, Pascual 1980: 110).

Ф. Гарсия Лорка в лекции, прочитанной в 1928 г., рассуждает о Коко так: «Коко... составляет часть детского мира, полного неясных персонажей, которые возвышаются, как слоны, среди забавных воображаемых духов, до сих пор населяющих некоторые уголки Испании. Говорят, что у Коко круглая и очень волосатая голова. Поэтому конкистадоры дали такое же название тропическому фрукту, обнаруженному в Америке. Магическая сила Коко состоит именно в его бесплотности. Он никогда не может появиться, хотя бродит по комнатам. И самое прелестное заключается в том, что он до сих пор бесплотен для всех. Речь идет о некоей поэтической абстракции, следовательно, порождаемый им ужас носит космический характер и не преодолим спасительными границами органов чувств, этими стенами объективизма, спасающими в опасных ситуациях от еще больших опасностей, не имеющих рационального объяснения. Однако нет сомнения в том, что ребенок стремится изобразить для себя эту абстракцию и очень часто дает имя "коко" странным созданиям, иногда встречающимся в природе. Ведь дети, в конце концов, свободны в своем желании воображать. Страх, испытываемый перед Коко, зависит только от фантазии, и он даже может казаться симпатичным. Я познакомился с одной каталанской девочкой, которую во время одной из последних кубистских выставок моего великого товарища по Резиденции² Сальвадора Дали мы с трудом вывели из зала: она была в восторге от "папос" (papos), от "коко" – больших картин в ярких тонах, необыкновенной выразительной силы» (García Lorca 1928 (1987): 289).

Впервые Коко появляется в сборнике поэта Антона Монторо "Кансионеро" (Cancionero) (1445), где мы читаем:

...меня так мало оценили,...

что я поистине дрожу от страха,
как маленькие дети,
когда им говорят: "вот придет Коко".

tanto me dieron de poco
que de puro miedo temo,
como los niños de cuna
que les dicen !cata el coco!

Коко присутствует во многих испанских колыбельных песнях. Наиболее старинный вариант зафиксирован в "Известном ауто о свадьбе Девы Марии" ("*Auto famoso de los desposorios de la Virgen*") Хуана Кахеса (1609) и звучит следующим образом:

Баю, девочка моя,
успокойтесь и засыпайте,
ведь Коко точно придет,
если вы не заснете.

Ea, niña de mis ojos,
duerma y sosiegue,
que a la fe venga El Coco
sí no se duerme.

В то же время в самой популярной испанской колыбельной, вошедшей в песенный сборник 1649 г., говорится так:

Спи, малыш,	Duérmete niño
засыпай скорей,	duérmete ya
иначе придет Коко	porque viene El Coco
и съест тебя.	y te comerá ³ .
Успокойся, мальчик,	Cállate muchacho
засыпай потихоньку,	duérmete poco a poco,
смотри, малыш,	guarda, niño,
Коко придет.	que viene El Coco.

Очевидно, что Коко, как и все порождения народного сознания (анекдоты, легенды, слухи), имеет варианты в зависимости от географической зоны. Одним из них, по-видимому, является **Куко**. Данное слово, отмеченное еще С. де Коваррубас Ороско, – он соотносит его с Коко, не приводя более обстоятельного объяснения (*Covarrubias Orozco* 1611: 373), – может считаться именем еще одного существа из "детепугателей". Согласно гипотезе, выдвинутой Ф. Ортисом, этот персонаж возник из слияния испанского Коко и Куку из языка банту – разновидности злого духа, привезенного в Америку африканскими поселенцами. Форма Куко преобладает в испанском языке Латинской Америки. Встречаются также варианты *Kukui* (Мексика), *Cocomán* (США), *Cocoricam* (Куба), *Cucifo* (Перу). В Испании существуют формы *Cocón* (Арагон), *Caco* (Майорка), *Cucala* и *Coco Cirioco* (*Dingo* 2007). В разных областях страны имеются эквиваленты Коко: в Каталонии, Валенсии и на Балеарских островах – *Papu*, в Галисии верят в *Sacañintos*, в баском языке есть *Mamo*, *Mamorro*, *Mamu*, *Papao* и *Mozorro*.

Ниже рассмотрим другие персонажи детской испанской мифологии.

Ведьма Пируха (*Bruja Piruja*), или **Ведьма Каперуха (*Bruja Caperuja*)** – согласно преданию, ведьма, проникавшая через камин и уносившая детей, которые еще не спали, чтобы съесть их (*Rosenfeld et al.* 2005; *Dingo* 2007).

Бу (*Bu*) – это слово зарегистрировано уже в "Письме лиценциата Клароса де ла Пласа учителю Лисарте де ла Льяна" ("Carta del licenciado Claros de la Plaza al Maestro Lisarte de la Llana") (1609), где говорится: "Смотри, придет Коко или Бу!" П.М. де Оливе и Х. Ланда подробно толкуют значение данной единицы: «воображаемое существо, которым грозят детям, чтобы те не плакали или оставили какой-либо свой детский каприз; обычно угроза формулируется так: "Вот Бу придет" (ahí viene el bu); "Смотри, Бу придет" (mira que viene el bu) и т.д. по аналогии с "Вот Коко придет" (ahí viene el coco) // *Делать бу* (hacer el bu) – "пугать детей, изменяя голос, прячась или надевая маску и говоря: "бууу"» (*Olive, Landa* 1898: 241).

Камуньяс (*Сатиñas*), или **Дядя Камуньяс (*El Tío Сатиñas*)** связан с историческим лицом. Динго пишет: "Этот иберийский коко происходит от имени знаменитого партизана родом из Камуньяс, Франсиско Санчеса Фернандеса по прозвищу Франсискете или Дядя Камуньяс (1762–?). Он стал партизаном, чтобы отомстить за смерть брата, которого французы казнили на виселице. Солдаты не сдержали свое обещание сохранить ему жизнь и свободу в случае сдачи" (*Dingo* 2007). Характеристика Камуньяс меняется от одной области Испании к другой: так, в Астурии считается, что он живет на крышах, в Каталонии это чудовище с большим ртом и длинными зубами.

Чупасангрес "Кровососы" (*Chupasangres*), от *chupar* – "сосать", *sangre* – "кровь") – существа, известные также как **Машина крови (*El coche de la sangre*)**; они ездят на черной машине и забирают кровь у детей, чтобы продать ее. Вероятно, своим появлением они были обязаны настоящим врачам, которые продавали кровь семьям с детьми, больными туберкулезом.

Эмпуза (*Empusa*) – древнегреческий персонаж, в течение многих лет сохранявшийся в народной традиции для устрашения детей. Один из героев Родриго Каро в "*Días geniales o lúdicos*" (1626) говорит: "Признаюсь вашей милости, когда я обнаружил у не-

которых авторитетных авторов тучу нечисти, я перекрестился, причем не столько от страха, сколько от восхищения, потому что увидел почти все то же самое, чем мы пугаем сейчас наших детей и во что сами верили в юном возрасте. А это чудовище звалось Эмпуза или Хило".

Espantajo (Чучело) – основа слова (происходит от глагола *espantar* – "пугать") выдает его первичное семантическое наполнение – "чучело", "кукла, предназначенная для того, чтобы отпугивать" (одной из ее разновидностей является, например, огородное пугало – *espantarájaros*). Отсюда образовалось более конкретное значение, отмеченное П.М. де Оливе и Х. Ланда, – "ужасно смешной и чудачковатый человек, который может выступать для детей в качестве коко и бу, по старинной тактике матерей и кормилиц" (*Olive, Landa* 1898: 611). Эта единица встречается и в Романской Библии (*Biblia Romanceada*) (около 1400 г.): "...поля ваши в ваших глазах съедают чужие; все опустело, как после разорения чужими. И осталась дочь Сиона, как шатер в винограднике, как шалаш в огороде [в староиспанском тексте – "чучело в огороде"], как осажженный город" (*Исайя* 1: 7–8). ("Las vuestras regiones en vuestra presencia agenos la comen & es en desolacion commo trastornamiento de agenos & remanesçera la fija de sion commo cabaña en vinea. commo *espantajo en cogomral commo çibdad desierta*") (*Is.* 1: 7–8). А. Небриха включил слово *espantajo* в словарь "Лексика романского языка в латинском языке" ("*Vocabulario de romance en latin*") (1495) и перевел как "страх для птиц и зверей" ("*formido avium et ferarum*"), т.е. дефиниция совпадает с *espantarájaros* (огородное пугало). С древних времен *Espantajo* называют "монстром", и Педро Гутьеррес де Санта Клара в "Истории гражданских войн в Перу" ("*Historia de las Guerras Civiles del Perú*") (1549) отождествляет его с Коко: "...страх вызывали с помощью *coco* или *espantajo*".

Зверь Каррупия (Fiera Carrupia), известный в Наварре в варианте *Альсуррупия (Alzurrupia)* и в других провинциях Испании как *Зверь Корнелия (Fiera Cornelia)*, *Зверь Коррупия (Fiera Corrupia)*, *Зверь Куррупия (Fiera Currupia)*, *Зверь Гуррупесия (Fiera Gurrupecia)* (см.: *Dingo* 2007). Я. Розенфельд с соавторами включает его в свой список чудовищ и утверждает, что в XVIII–XIX вв. на лубочных картинках зверь изображался так: «с бычьей головой (с огромными загнутыми вниз рогами) и телом ящерицы, покрытым чешуей. Его когти напоминали "крючки римских весов" и, чтобы уничтожить его, требовался целый пехотный полк» (см.: *Rosenfeld et al.*: "Зверь Каррупия"). Пио Ба-роха в "Песнях предместья" ("*Canciones del Suburbio*") приводит следующие строки:

Видимо, он обманывает
и завлекает детей,
и если он схватит их когтями,
то крепко держит и пожирает.
Он съел уже шестеро детей,
этот беспутный зверь,
и, как говорят люди,
он даже обсасывает кости.
Видимо, сейчас он думает
и цинично заявляет, что
проглотит еще нескольких
так же легко,
как земляной миндаль.

Al parecer, a los chicos
les engaña y les adula,
y si los pesca en sus garras
los sujeta y los manduca.
Se ha comido ya seis niños
esta fiera disoluta,
y, según dicen algunos,
hasta los huesos los chupa
al parecer, ahora piensa
y cínicamente anuncia
engullirse algunos más
como quien se traga chufas.

Фернандо Вильялон посвятил этому персонажу стихотворение под названием "Зверь Коррупия":

Зверь Коррупия
зеленый и полосатый,
с горящими глазами,
с закрученным хвостом.
Беги, беги, беги,

La fiera corrupia
es verde con rayas,
en ascuas los ojos,
la cola enroscada.
Corre, corre, corre,

беги, а то он догонит тебя.	corre, que te alcanza.
Паблито, болтая с девушкой,	Pablito la ha visto
увидел его,	pelando la pava
и тот сказал "мааау"	y le dijo: ¡MAAU!
странным голосом.	con voz desusada.
Беги, беги, беги,	Corre, corre, corre,
беги, а то он догонит тебя.	corre, que te alcanza.
Он зеленый, очень зеленый,	Es verde, muy verde,
с полосками,	con algunas rayas,
он вонзал свои когти	y en las piedras lisas
в гладкие камешки.	sus uñas clavaba.
Беги, беги, беги,	Corre, corre, corre,
беги, а то он догонит тебя.	corre, que te alcanza.
Сидя на краю	Sentada en un canto
обтесанного камня,	de piedra labrada,
он точит зубы навахой.	se afila los dientes con una navaja.
Беги, беги, беги,	Corre, corre, corre,
Беги, а то он догонит тебя.	corre, que te alcanza.

Гамбусу (*Gambusi*) – помимо этой формы, Динго обнаружил другие: *Гамбоси* (*Gambosí*), *Гамбуци* (*Gambutzi*), *Гамусино* (*Gamusino* – кастильское название), *Гусарана* (*Gusarapa*), *Гусарена* (*Gusarepa*), *Гусалана* (*Gusalapa*) и *Мопия* (*Mopia*) (*Dingo* 2007). По Ж. Амадесу, они "черные, неосязаемые и невидимые, появляются лишь глубокой темной ночью, и их очень боятся не только дети, но и взрослые. Говорят, что они сильно бьют всех, кого находят ночью на улице, особенно детей и женщин; они крепко хватаются за одежду, и отцепить их очень сложно. Эти существа неотличимы от самой ночи" (*Amades* 1957: 261).

Гомия (*Gomia*) – в испанском языке первое упоминание о ней зафиксировано в 1541 г. в стихотворении Кристобаля де Кастильеха:

Совсем вам не к чести	Honra ninguna ganastes
Столь уродливое животное [лошадь].	Con bestia de tan mal talle.
Скажите, сеньор Тристан,	Lo qu'en tal <i>gomia</i> empleastes,
Разве вы нашли на улице то,	Decidme si lo hallastes,
Что потратили на это <i>чудовище</i> [гомию]?	Señor Tristán, en la calle.

Многие авторы относят Гомию к "детеглотателям", и наиболее подробное ее описание мы вновь обнаруживаем у С. де Коваррубьяс Ороско: «Няни пугают детей, когда те плачут, говоря им: "Смотри, придет гомия и съест тебя", и изображают растрепанную старуху, очень страшную, с темной кожей и большими клыками» (*Covarrubias Orozco* 1611: 595). Происхождение этого слова, несомненно, связано со значением "человек, который много и жадно ест" (*Ibid.*). Позднее от него сформировалось значение "тот, кто потребляет, тратит и уничтожает" (*Olive, Landa* 1898: 730). Гонсало Корreas в книге "Словарь пословиц и поговорок" ("*Vocabulario de refranes y frases proverbiales*") (1627) трактует выражения "*Es gran Gomia. Tiene gran Gomia*" как "Он придает большую важность еде"; "Он очень любит есть".

Часто Гомия сравнивается или ассоциируется с Тараской (*la Tarasca*). Так или иначе, данная лексема представляется очень древней, поскольку сам С. де Коваррубьяс Ороско в словарной статье цитирует Луцилия, книгу 30: "Illo quid fiat laia et phyto. Oxiodontes quo veniunt illae gumiae vetulae" (*Lucilio*, цит. по: *Covarrubias Orozco*, 1611: 595). Антонио Товар Льоренте пишет, что «"Гумия" снова появляется с тем же значением, что и исп. *gomia* – "обжора". Начиная как минимум с XV в., это слово по каким-то таинственным причинам укореняется именно в нашем языке, и ни в одном другом из романских; его использует даже Сервантес.

Фонетически нетрудно образовать *gomia* от *gumia*; это могла быть итальянская единица, т.е. скорее умбрская, чем латинская, тем более что в таблицах, найденных в Игувиуме, *gomia* дважды встречается в значении "свинья, ожидающая потомства". Речь идет, таким образом, о слове народного происхождения, которое сохранилось в языке со времен солдат, участвовавших в битве при Нумансии, до эпохи Дон Кихота и Персилеса, а в Вальядолиде существует до сих пор» (*Tovar Llorente* 1968: 21).

Человек с мешком (*Hombre del sacco*) – ужасный уродливый мужчина с большим мешком, куда он кладет всех плохих детей и уносит в далекие края. Этот персонаж используется для того, чтобы заставлять детей возвращаться домой рано. В других частях испаноговорящего мира он известен как *Человек с мешком (*Hombre de la Bolsa*)* (Аргентина, Уругвай), *Старик с мешком (*Viejo del Costal*)* (Мексика) или *Человек-мешок (*Sacotán*)* (США). Среди характеристик, данных детьми разных испаноговорящих стран, отметим следующие: "Мужчина лет 50, среднего роста, в старой одежде темного цвета, сутулый и с сумкой из грубой ткани на плече"; "Еще там был Человек с мешком... он забирал непослушных детей. Он уносил их навсегда, в какое-то ужасное место. Я видел, что он весь коричневый, в коричневой одежде, с коричневой кожей, с коричневым мешком, небритый и похож на нищего"; "Воображаемый человек, высокий и толстый; по словам колыбельной, он уносил детей в мешке в свой замок и там съедал их. Он забирал только непослушных детей, которые не спали, ведь они были самыми вкусными" и т.д. (*Rosenfeld et al.* 2005).

Х.А. Баррио утверждает, что возникновение Человека с мешком "обусловлено жалким внешним видом нищих, попрошаек, бродячих работников, которые, переселяясь на новые места работы, обычно складывали все свои пожитки в мешок, или бездомных" (*Diccionario de Mitos y Leyendas: "Hombre de la Bolsa"*). Ж. Амадес идет дальше и полагает, что его прототипом стали нищие, похищавшие и убивавшие детей и затем продававшие их на фабрики для производства жира (*Amades* 1957: 256–257).

Другие авторы предлагают несколько иную интерпретацию, связывая появление этого существа с реальным событием, происшедшим в Гадоре (в провинции Альмерия) в 1910 г. Некий Франсиско Ортега, больной туберкулезом, обратился за помощью к местному цирюльнику и лекарю Франсиско Леона. Тот пообещал больному скорое выздоровление при условии, что Ортега выпьет свежей крови ребенка. Вечером 28 июня 1910 г. Франсиско Леона и Хулио Эрнандес, другой житель городка, украли семилетнего Бернардо Гонсалеса Парру, спрятали в мешок, отнесли в укромное место, извлекли из него кровь и убили. Из-за разногласий преступники в конце концов были задержаны полицией.

Черная рука (*Mano Negra*). Дети боялись, что из школьных туалетов или колодцев покажется Черная Рука. Она жила в темноте и хватала тех, кто не хотел ложиться спать (*Dingo* 2007).

Рука мавра (*Manomotora*) – старик – призрак из "детепугателей", имя которого отсылает к маврам, врагам христианских королевств в эпоху Реконкисты.

Мария Сармьенто (*María Sarmiento*). Родриго Каро упоминает ее уже в 1626 г., отождествляя с Эмпузой, и пишет: «Во всей Севилье и в окрестностях молодые люди видят донью Марию де Падилья в повозке, пожираемой языками пламени: "Rursus foemina pulcherrima igni tota facies refulget" ("Снова у прекраснейшей женщины все лицо пылает огнем)". Рядом с ней всегда хромой дьявол: "Crus est alterum illi aeneum empusa proinde est" ("Ее второе бедро из бронзы, поэтому она Эмпуза")». Розенфельд и соавторы (2005) отмечают, что с помощью этого персонажа детей заставляли молчать, говоря им: "Мария Сармьенто пошла по нужде, и ее унесло ветром, она оставила три шарика, один для Хуана, другой для Педро, а третий для того, кто заговорит первым..." (*Rosenfeld et al.* 2005).

Мариманта (*Marimanta*) в словаре Королевской Испанской академии определяется следующим образом: "(От Мари, уменьш. от Мария, и одеяло). *ж., разг.* Призрак

или образ, которым пугают детей". Мариманта, по-видимому, – существо, пожирающее детей. В г. Бадахос каждый год проводится шествие Мариманты по аналогии с Тараской в других провинциях (см. *Тараска*). Кеведо упоминает ее в "Героической поэме о глупостях и безумствах Орландо" ("*Poema heroico de las necedades y locuras de Orlando*");

¿No ves aquellas manos, cuyos dedos
manojos son de abotagados sapos?

¿Aquellos ojos enguizgando miedos?
¿Los miembros ganapanes y guñapos?
Blancos los labios son; negros
y acedos los dientes,
entoldados con harapos
de pan mascado,
y la color, que espanta,
con sombras de estantigua y marimanta.
(Canto II, vv. 441–448)

Разве ты не видишь эти руки,
пальцы которых – словно
пригоршни распухших жаб?
Эти глаза, вызывающие страх?
Неуклюжие и хилые члены?
Губы белые; зубы черные,
испорченные,
прикрытые лохмотьями
жеваного хлеба,
цвет устрашает, он похож
на эстантигуу и мариманту.
(Песня II, стих 441–448)

Микуло (*Miquilo*) зафиксирован в "Словаре мифов и легенд", где он описывается как "маленький домовый, который приходит летом во время сиесты, чтобы напугать детей, разгуливающих по усадьбе или по полю. Чаще всего он одет в пончо и большую черную шляпу, одна рука у него из железа, а другая – из шерсти. По многочисленным рассказам, собранным в Ла Риохе, он возникает перед людьми и спрашивает, какой рукой их ударить. Если те выбирают шерстяную, что чаще всего и бывает, то следует более сильный удар, если железную – то более слабый" (*Diccionario de Mitos y Leyendas*: "Hombre de la Bolsa").

Морильос (*Morillos*) также входят в число "детепугателей", хотя используются гораздо реже, и их образ отличается большей неопределенностью. Коваррубьяс предполагает, что изначально это слово обозначало фигурки, украшавшие специальные подпорки для дров. Этимологически оно может быть родственно лемурам (домовым), от которых сформировалось уменьшительное *lemurillos*. Тем не менее автор "Сокровища" ("*Tesoro*") не отказывается и от второй гипотезы: *morillos* образовались от *moros* (*мавры*), поскольку фигурки, обмазанные углем, были черного цвета (*Covarrubias Orozco* 1611: 763). Вполне вероятно, что они вызывали у детей страх и с течением времени превратились в настоящих чудовищ. Наконец, не следует полностью отвергать и третью версию, получившую развитие в трудах М. Мандианеса Кастро: *morillos* связаны с *touros* (волшебными существами, обитавшими, по преданию, на севере Иберийского п-ова с незапамятных времен) и с *touras* (духами, живущими в фонтанах и иногда принимающими облик змей) (*Mandianes Castro* 1986: 243).

Папarrасолья (*Paparrasolla*) – существо из "детеглотателей", что подтверждает и внутренняя форма этой лексической единицы (от *papar* – "есть, не разжевывая, мягкую пищу, такую как суп, картофель и т. д." – DRAE). Я. Розенфельд и Динго зафиксировали его в Астуриас, Кастилье и Андалузии. Папarrасолья живет на колокольнях или на чердаках, будучи известным также как *Пансонья* (*Rosenfeld et al.* 2005; *Dingo* 2007).

Пано и Панон (*Papo* у *Papón*). Их этимология, по-видимому, восходит к самым истокам языка: известно, что губно-губные звуки – это первые согласные, которые дети начинают произносить. Дж. Короминас и Х.А. Паскуаль полагают, что исходная форма существовала уже в праиндоевропейском языке, и документально доказывают употребление слов *рарра* и *рарраге* в латыни (см.: *Corominas, Pascual* 1980: 383–384). От значения "еда" в детской речи (ср. с исп. *papilla* – "кашица") образовалось "детский призрак, пожирающий плохих детей". Отсюда происходят португальский *Parão*, баск-

ский *Parau*, каталонский, валенсийский и баlearский *Paro*. Аналоги *Paro* есть и в других средиземноморских странах.

После собрания различных описаний этого чудовища мы узнаём, что оно жуткое, гигантское, пузатое, с огненными глазами и желудком, напоминающим горячую духовку. Оно целиком проглатывает детей, если те плачут или не хотят ложиться спать.

Педро (*Pedro*). Имя Педро и его местные варианты используются для обозначения какого-либо сверхъестественного создания. Так называется чучело, сжигаемое на некоторых праздниках (*Peïrome – Peïrote* – в отдельных районах Пиренейских гор) или карнавальный персонаж (*Peïrom – Peïrot* в верхних комарках⁴ Лериды; *Перо-Пало – Pero-Palo* и т. д.). Кроме того, *Педро* употребляется как «воображаемое существо – людоед, или "детеглотатель", – которое появляется на французских Пиренейских склонах под именем *Peïrotu*» (*González y Fernández Valles 1977: 147*). Его можно обнаружить и в детских играх: "¿Quieres más a Tin, a Tan⁵ o a Pedro el Capellán?" ("Ты больше любишь Тина, Тана или капеллана Педро?"); "¿Tiras de pies o de cabeza?" ("Ты прыгаешь вниз ногами или вниз головой?"). Если ребенок отвечает "de pies" ("вниз ногами"), друг должен ответить: "Ahora vas de cabeza con Pedro" ("Тогда в этот раз пойдёшь к Педро вниз головой") (*Ibid.: 149*).

Робачикос "Вор-детей" (*Robachicos*; от *robar* – "красть", *chicos* – "дети"). Народное воображение создало этого "детепугателя" посредством олицетворения его действий. Слово *Robachicos* используется в испаноговорящем мире и для обозначения настоящих похитителей детей.

Сакамантекас (*Sacamantecas*; от *sacar* – "доставать, извлекать", *manteca* – "жир, сало"): "детепугатель", широко распространенный во всей Испании. В зависимости от географической зоны он получает также имена *Home del Untu*, *Probe*, *Sacaúntos*, *Tío del Sebo*, *Greixer*, *Greixet*, *Saginer*, *Mantequero*. Сакамантекас часто изображается с большим ножом и иногда с мешком. Его описывают Сордо Отрес и Динго. Так, у Динго мы читаем: "Возникновение этого персонажа, как и Человека с мешком, основывается на реальных фактах: убийствах людей для получения жира, что случалось и во времена инквизиции, и когда на дворе уже стоял ХХ в. О таких преступлениях рассказывалось в стихах, которые сочиняли слепые. Ими пугали детей, чтобы они не подходили к незнакомцам. Этот мужчина поручал другим убить ребенка или женщину и извлечь у них кровь и жир, чтобы продать больным туберкулезом или чахоткой" (*Dingo 2007*).

Тараска (*Tarasca*). По мнению Дж. Короминаса и Х. А. Паскуаля, ее происхождение является очень древним. Само слово *Tarasca* могло образоваться от глагола *tarascar* – "кусать и ранить зубами" (*Corominas, Pascual 1980: 416*). Тараска имела змеиный облик и после распространения христианства стала отождествляться с чертом. Так, во время праздника Тела и Крови Христовых (*Corpus Christi*)⁶ ее носили по улицам (см.: *Olive, Landa 1898: 1311*). До сих пор в первый понедельник перед этим праздником по Гранаде ходит своеобразная процессия, которая состоит из великанов, кабесудов⁷ и фигуры, известной под именем *Тараска*⁸. В результате изучения народных праздников других областей выясняется, что первоначально это название обозначало самого дракона – олицетворение зла – и впоследствии по принципу метонимии перешло на женскую фигуру, символизирующую победу божьей благодати над грехом (см.: *Ibid*). Хотя в наше время Тараска встречается на некоторых местных праздниках, когда-то она входила в легион "детеглотателей", о чем упоминает и С. де Коваррубиас Ороско (*Covarrubias Orozco 1611: 183r–183v*).

Дядя Саин (*Tío Saín*). Персонаж, известный также под именем *Дядя Каррампон* (*Tío Carrampón*), которым пугали детей в отдельных районах Мурсии, когда они ленились или не хотели ложиться спать. Взрослые говорили, что он унесет их, выпустит кровь и потом выбросит в *альхибе* (водоем). По-видимому, прототип дяди Саина – неуклюжий и нелюдимый мужчина – действительно существовал и жил в Котесе (в Ва-

ленсии). Динго отождествляет Дядю Каррампона и Человека с мешком, хотя их происхождение, по-видимому, различно (ср. *Dingo* 2007).

Сампаррон (*Zamparrón*). В данном случае явно прослеживается связь с разговорным словом *zampar* – "есть, лопать". Речь идет о чудовище с лицом людоеда и гортанным голосом, которое способно по собственному желанию увеличиваться и уменьшаться в размерах, чтобы проникать в дома. Обычно оно живет в кладовых, где хватает детей, зашедших перекусить, и съедает их (см.: *Ibid*).

* * *

Рассмотрение различных созданий, "пугающих детей", позволило нам сделать ряд выводов, которые могут использоваться для дальнейшего изучения детской мифологии Испании и других стран, а также для проведения сравнительных исследований с целью выявления их универсальных и уникальных черт.

Возникновение каждого из этих существ обусловлено особенностями психологии ребенка и его страхами – боязнью темноты, определенных цветов (черный) и звуков (например, [y]). Сюда же относятся боязнь быть съеденным или быть унесенным далеко от матери, а также страхи, присущие обществу в целом (к примеру, страх перед похитителями детей). Здесь же можно упомянуть персонажей "мавританского типа", на формирование которых оказали влияние исторические конфликты между арабами и христианами. Кроме того, в прошлом испанское население испытывало недоверие к неграм из-за их маргинального положения в обществе и темного цвета кожи. Это нашло отражение, например, в описании Коко из романа "Ласарильо с Тормеса", приводимом С. де Коваррубьяс Ороско: «И я вспоминаю, что когда негр – мой отец – играл с малышом, и ребенок видел, что у меня и у матери светлая кожа, а у отца – темная, он со страхом бежал к маме и, тыча пальцем, кричал: "Мама, коко!"» (*Жизнь Ласарильо с Тормеса, его невзгоды и злоключения*. Гл. I).

Представляет интерес тот факт, что эквивалентами испанского *Коко* в других языках являются слова типа *Бау* (ит.) или *Бука* (рус.), что снова отсылает нас к звукам [b] и [y].

Боязнь **темноты** влечет за собой появление *Гамбуси*, *Морильос* и др. А. Фартах в докторской диссертации на тему "Лингвистическая и культурная коннотация и идиосинкрязия" пишет, что у 18,84% опрошиваемых слово "черный" вызывает негативные реакции (грусть, страх, смерть, боль, горе, пессимизм и т.д.) и у 27,22% респондентов ассоциируется с такими понятиями, как темнота, грязный, дым и т.д.

В других случаях, персонажи детской мифологии происходят от страшных **животных**, например, *Каррамонья* и *Зверь Карруния*.

Боязнь **быть съеденным** – причина возникновения *Гомии*, *Папо*, *Папона* и др.

В результате боязни **оказаться далеко от матери** появляются "детепугатели" типа *Робачикос* и *Человека с мешком*.

Шум также персонифицируется и приобретает форму рычащего или производящего угрожающие звуки создания. В качестве примера можно привести *Папаррасолья*: в этом имени корень *rarr* (более подробно анализируемый во фрагменте, посвященном *рабón*) объединяется с глаголом *resollar* – "тяжело дышать" или "храпеть," "рычать" (см.: *Corominas, Pascual* 1980: 383)⁹.

С нашей точки зрения, следовало бы разграничивать термины "детепугатели" (*espantaniños*) и "детеглотатели" (*tragachicos*), обычно воспринимаемые как синонимические. Таким образом, все отрицательные персонажи детской мифологии разделяются на тех, которым приписывается более отвлеченная функция – испугать, и тех, которые стремятся просто проглотить детей.

Персонификация страха является последовательным процессом. В случае с *Бу* мы находимся на первой стадии, основанной почти исключительно на звуках. Такие при-

меры, как *Чупасангрес* или *Вор детей*, демонстрируют конкретизацию действий данных существ. Наконец, создания типа *Человека с мешком* или *Гомии* в значительной степени индивидуализированы и обладают собственными характеристиками.

Еще одна тема, заслуживающая более подробного рассмотрения, – это проблема установления происхождения изучаемых нами персонажей. Иными словами, некоторые из них изначально относились исключительно к детской мифологии, не воспринимались большинством людей как "реальные" и имели единственную функцию – напугать ребенка (*Коко*, *Бу*). Другие же в определенный момент составляли часть мифологии всего общества и лишь впоследствии перешли в разряд "детепугателей" (*Тараска*, *Гомия*).

Примечания

¹ Слово *коко* как название плода кокосовой пальмы было дано португальцами (во время экспедиции Васко да Гамы, 1498 г.). Шар с тремя отверстиями, похожими на рот и глаза, вызвал у них ассоциации с *коко* – персонажем страшных детских историй. Испанский хронист Гонсалес Фернандес де Овьедо в "Краткой естественной теории Индий" отметил: "Наименование коко обусловлено тем, что если сорвать черенок, которым фрукт крепится к ветке, остается углубление, и, кроме того, есть еще два углубления, и все вместе они напоминают лицо или обезьяну, которые строят страшные рожи [que cosa], от чего и произошло слово коко". В староиспанском языке *cocar o hacer cocos* означало "корчить страшные рожи, чтобы напугать" (*Ortega Morán* 2004).

² *Residencia de estudiantes* – общежитие в Мадриде для молодых людей из высшего общества, с библиотекой, научной лабораторией, классами для изучения языков и т.д. Там провели свои студенческие годы знаменитые испанские художники, писатели, поэты и другие культурные деятели – Сальвадор Дали, Федерико Гарсия Лорка, Луис Буньюэль, Хосе Ортега-и-Гассет, Мигель де Унамуно и др.

³ В других народных версиях говорится "te llevará" – "унесет тебя".

⁴ Единица административного деления в Испании.

⁵ По Х. М. Гонсалесу и Фернандесу Вальесу, *Тан – Тан* – дьявол (подобно галисийскому слову *Танеко – Taneco* – "дьявол", которое, в свою очередь, произошло от кельтского *Tan* или в результате афезезы *Satán* – "сатана").

⁶ Дата этого праздника – первый четверг после восьмого воскресенья со дня предыдущего праздника Пасхи (Воскресения Христова).

⁷ Как объясняет испанско-русский словарь Б. Нарумова и Г. Туровера, *кабесудо (cabezudo)* – "маскарадная фигура, изображающая большоголового карлика".

⁸ Можно отметить любопытный факт, что каждый год ее одевают в разную одежду; люди утверждают, что эта мода настоящего года.

⁹ Дж. Короминас ссылается на Лопе де Руэда, Ороско, Торрес Наварро и других авторов.

Литература

Álvarez Peña 2005 – *Álvarez Peña A.* Cocos infantiles // Siglo XXI (suplemento del diario La Nueva España). 2005. № 284. Abril.

Amades 1957 – *Amades J.* Los ogros infantiles // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1957. № 13. P. 254–285.

Cabal 1983 – *Cabal C.* La mitología asturiana. Oviedo: IDEA, 1983. 614 p.

Cerrillo 1990 – *Cerrillo P.C.* Cancionero popular infantil de la provincia de Cuenca (Lírica popular de tradición infantil). Cuenca: Publicaciones de la Excm. Diputación Provincial de Cuenca, 1990, 314 p.

Corominas, Pascual 1980 – *Corominas J., Pascual J.A.* Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. T. 1–6. Madrid: Gredos, 1980.

- Covarrubias Orozco* 1611 (1995) – *Covarrubias Orozco S.* Tesoro de la lengua castellana o española, Madrid, Imprenta de Luis Sánchez, 1611 (ed. de Felipe C.R. Maldonado, Madrid: Castalia, 1995. 1047 p.).
- Delgado* 1994 – *Delgado E.* El Coco Maluco, Origins of the Boogeyman // La Herencia del Norte. 1994. Número de primavera.
- Diccionario de Mitos y Leyendas 2007 – Diccionario de Mitos y Leyendas [online], Equipo NayA, 2007 [última modificación 01/02/2007], (<http://www.cuco.com.ar/>).
- Dingo* 2007 – *Dingo.* Cocos o asustaniños del folclore ibérico [online] // Celtiberia.net, 2007 (<http://www.celtiberia.net/articulo.asp?id=1470>).
- Escudero* 1997 – *Escudero I.* Cántame y cuéntame. Cancionero didáctico. Madrid: UNED y Ediciones de la Torre, 1997. 173 p.
- Fartakh* 1997 – *Fartakh A.* La connotación y la idiosincrasia lingüística y cultural (Asociaciones semántico-léxicas en el español de Granada y el árabe de Tetuán (Marruecos)). Tesis doctoral. Granada. (Sin editar). 1997. 397 p.
- Filgueira Valverde* 1977 – *Filgueira Valverde J.* Del urco al esperpento // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1977. № 33. P. 55–60.
- García Lorca* 1928 (1987) – *García Lorca F.* Canciones de cuna españolas (Añada. Nana. Arrolo. Vou veri vou), 1928 // Obras Completas. Vol. III. Madrid: Aguilar, 1987. P. 282–300.
- González y Fernández Valles* 1977 – *González y Fernández Valles J.M.* "Pedro", nombre de seres imaginarios y sobrenaturales // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1977. № 33. P. 143–150.
- González y Terriza* 1996 – *González y Terriza A.A.* Los rostros de la Empusa. Monstruos, Heteras, niñeras y brujas: aportación a una nueva lectura de Aristofanes "Ec" 877-1111 // Cuadernos de Filología Clásica. 1996. № 6. P. 261–300.
- Gran diccionario enciclopédico 1996 – Gran diccionario enciclopédico. T. 4. Barcelona: Plaza & Janés, 1996. 442 p.
- Horozco* 1994 – *Horozco S.* El libro de los proverbios glosados (trad. de Jack Weiner). Edition Reichenberger, 1994. 689 p.
- Mandianes Castro* 1986 – *Mandianes Castro M.* El niño y el espacio en la Galicia rural // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1986. № 41. P. 243–254.
- Martín Sánchez* 2002 – *Martín Sánchez M.* Seres míticos y personajes fantásticos españoles, Edaf. Madrid, 2002. 592 p.
- Masera* 1994 – *Masera M.* Las nanas: ¿una canción femenina? // Revista de Dialectología y Tradiciones Populares. 1994. Vol. 49. № 1. P. 199–219.
- Nebrija* 1516 (1973) – *Nebrija E.A.* Vocabulario de romance en latín, 1495, 2ª ed. 1516 / Ed. De Gerald J. Macdonald. Vocabulario de romance en latín. Transcripción crítica de la edición revisada por el autor (Sevilla, 1516) con una introducción. Madrid: Castalia, 1973, 200 p.).
- Olive, Landa* 1898 – *Olive P.M., Landa J.* Diccionario de la lengua castellana. Diccionario de sinónimos. Diccionario de la rima. París-México: Librería de la Vª de Ch. Bouret, 1898.
- Ortega Morán* 2004 – *Ortega Morán A.* Que viene el coco [online] // i Hasta que me cayó el veinte! Sobre el origen de expresiones y palabras castellanas, 2004 (<http://www.prodigyweb.net.mx/ortegak9/ELCoco.htm>).
- Quevedo y Villegas* 1995 – *Quevedo y Villegas F.* Poema heroico de las necedades y locuras de Orlando el enamorado // Obras completas de Francisco de Quevedo. Poesía. Vol. II. Madrid: Turner, 1995. P. 733–785 [Ed. digital: Madrid-Alicante, Fundación José Antonio de Castro-Biblioteca Virtual Miguel de Cervantes (<http://www.cervantesvirtual.com>)].
- Real Academia Española (CORDE) – Real Academia Española, Banco de datos (CORDE) [online]. Corpus diacrónico del español. (<http://www.rae.es>).
- Rosenfeld et al.* 2005 – *Rosenfeld Y. et al.* Nido de asustadores: El Hombre de la Bolsa y mil espantos tremeundos [online], Huancayo, Universidad Nacional del Centro de Perú, 2005 [última actualización 23/07/2005] (<http://encina.pntic.mec.es/~agonza59/index.html>).
- Sordo Otres, Vidal González* 1991 – *Sordo Otres R., Vidal González C.* Mitología de Asturias y Cantabria entre los ríos Sella y Nansa, Gijón, Ramón Sordo Otres, 1991.
- Tovar Llorente* 1968 – *Tovar Llorente A.* Latín de Hispania. Aspectos léxicos de la romanización. Madrid: Real Academia Española de la Lengua, 1968.